

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

М. УРНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

Прошел Новый год и Рождество. На улицах пустынно. Митинговые страсти, похоже, до времени улеглись. Между тем, Интернет- и радио-дискуссии накаляются, вращаясь, главным образом, вокруг темы, инициированной А.Кудриным — нужен или не нужен диалог между властью (точнее, Путиным) и оппозицией.

В такой ситуации я, как и многие другие, «не могу молчать». Сразу же скажу, что полагаю диалог жизненно необходимым. Но столь же необходимым считаю уточнить характер, направления, временные рамки и возможности этого диалога, то есть спокойно поговорить о прошлом и будущем.

Сначала о прошлом. Поводом для ошеломившего власть, да и не только власть, всплеска протестной активности в Москве и некоторых других крупных городах послужили, как известно, неприличия и грязь, сопровождавшие думские выборы и завершившиеся массовыми подтасовками результатов голосования. Естественно спросить, почему столь бурная реакция проявилась в 2011 году, и почему ее не было на выборах 2003 и 2007 годов, когда грязи и подтасовок в пользу «Единой России» было примерно столько же? Думаю, что виноват эффект, который я для себя называю «эффектом крошки Цахес». Не сомневаюсь, что блестящую сказку Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» помнят все. Поэтому лишь для связанности изложения напомним, что до тех пор, пока у Крошки на голове имелись три волшебных волоска, все благие деяния — кем бы они ни совершались — приписывались ему. Но стоило бедняге этих волосков лишиться, как иллюзия исчезла, и даже хорошие его дела стали истолковываться в негативном духе.

Испытать на себе эффект крошки Цахес — удел почти любого политического лидера. Пока его популярность растет или находится на высоком уровне, все мало-мальские улучшения приписываются ему, а ошибки, огрехи и грехи не замечаются или прощаются: «Кто не без греха? А за то, какой замечательный человек, сколько хорошего сделал и сделает. Не мешайте, отойдите...». Но вот, популярность лидера начинает снижаться. А не снижаться она не может — долго находящийся наверху надоедает, даже если это во всех отношениях фигура достойная. Исключения редки — государи в абсолютных монархиях («Богом дан, чего уж там»), да еще вожди жестких тоталитарных режимов, активно практикующие массовое промывание мозгов. Но эти случаи, за неактуальностью для нас, я рассматривать не буду. Итак, популярность политика начинает падать. Точка перегиба кривой попу-

лярности — ситуация, аналогичная вырыванию у несчастного Цахеса трех волшебных волосков. С этого момента, что бы политик не делал, все начинает записываться ему в минус, а уж если он по инерции, надеясь на свою харизму, позволяет себе грешить, то беда. Как говаривал Борис Годунов: «Виной всех зол меня нарекают, клянут на площадях имя Бориса...». Здесь и до протестов недалеко.

Именно это и приключилось у нас. Как известно, примерно за двенадцать месяцев, предшествовавших знаменитой сентябрьской рокировке в динамике рейтингов доверия Путина, Медведева и Единой России обнаружился явный понижительный тренд. Сентябрьский спектакль с рокировкой (мягко говоря, не отличавшийся ни умом, ни вкусом) эту тенденцию резко усилил. Вот тут бы власти и повести себя аккуратнее! Ан, нет! Последовавшие за рокировочным сентябрем выступления Путина и Медведева разочарование закрепили, распространив его и среди части пенсионеров — традиционной электоральной базы Путина. Что же касается модернизационно ориентированных слоев, то они сразу после рокировки начали активно пересматривать свое отношение к ситуации в стране — часть заговорила об эмиграции, часть впала в презрительное, сернокислое насмешничество, на фоне которого старое доброе «Путин — краб», выглядящее еще недавно верхом сарказма, стало смотреться как детская шутка. В самом деле, что такое «Путин — краб» по сравнению с «Наш дурдом голосует за Путина»? Здесь бы власти опять-таки почувствовать, что собственно происходит, и начать, наконец, вести себя по-иному. Но не тут-то было. Занятая внутрисемейными разборками, она происходящей смены настроений не замечала или полагала эту смену недостойной внимания. А потому не без помощи факира Чурова превратила московские «ЕдР»-енные 26-28% в 46,6%. Вот тогда-то и случилось: сначала Чистые пруды с несколькими тысячами пришедших и несколькими сотнями решивших устроить марш и потому разогнанных. А в ответ на разгон — Болотная площадь с 50 тыс. человек. Этот митинг был образцом взаимной вежливости протестующих и милиции. Никакого майданного духа на нем не было. Аналитики заговорили о том, что на следующий митинг, назначенный на 24 декабря, вряд ли придет столько же народа. И, наверно, были они правы. Но тут Путин возьми да и выступи с рассуждениями о контрацептивах и бандерлогах... В результате на проспект Сахарова пришло более 70 тыс. человек. И снова был этот митинг мирным и неагрессивным. Пришедшие полностью поддерживали лозунги, предлагаемые трибуной — освобождение политзаключенных, отмена результатов выборов в Думу и проведение новых, отставка Чурова, свободная регистрация новых партий... Но настроения в толпе отличались от настроений на трибуне, потому что на трибуне горели страсти, а собравшиеся были спокойны и ироничны.

А теперь попробуем понять, что все это значит, какова ситуация в стране и чего следует ожидать в перспективе.

Важнейшим итогом декабрьских митингов представляется мне то, что крупномасштабные протестные акции и властью, и гражданами перестали

рассматриваться как нечто из ряда вон выходящее. Запретить (в смысле, «не согласовать») массовые митинги, после того, как они дважды доказали свой мирный характер, властям будет крайне трудно. Хотя, конечно, и не невозможно, но трудно. Да и нежелательно. Потому что реакция граждан крупнейших городов на подобного рода запреты теперь уже очевидна. Да и «мировое сообщество» может неправильно понять. Оно, конечно: что нам международное сообщество, когда дело о власти идет? Но все-таки вести себя сдержанно надо — на носу Олимпиада и чемпионат мира по футболу, а ситуацию с Олимпиадой-80 все, кому надо, помнят... А что до граждан, то у них прошел страх перед жесткими действиями властей: бить не будут, «так можно говорить теперь про это нос...»

Итак, массовые протестные митинги, становятся повседневностью. И становятся они таковыми на фоне устойчивого, трендового, то есть необратимого падения популярности Путина и Единой России. (Про Медведева не говорю, потому что динамика его рейтинга сегодня никакого значения уже не имеет и иметь не будет). Разумеется, на ближайших президентских выборах Путин победит — с Чуровым в первом туре, без Чурова — во втором. Но победит непременно, потому что, несмотря на падение его рейтинга, он все еще остается самой популярной и самой сильной политической фигурой России. Но эта ситуация быстропроходящая. В перспективе ближайших двух лет доверие к будущему президенту с очень большой вероятностью окажется на уровне позднего Ельцина. Ухудшение экономической ситуации в мире, бюджетный дефицит и невозможность реализовать обещанные социальные программы этому сильно поспособствуют. Потому что все эти неприятности будут ассоциироваться в массовом сознании не с объективными обстоятельствами (хаосом мирового хозяйства и пр.), а с фигурой Путина, от которого устали и который, как на грех, обещал покой, процветание и поднятие с колен. Так что неудовольствие и обида персонифицированы; есть, кого винить.

В такой ситуации гражданам страны непременно захочется видеть у кормила власти кого-нибудь другого. И сейчас уже многим хочется. Но через пару лет захочется большинству.

А это означает, что главная политическая интрига ближайшего будущего заключается в том, захочет ли нынешняя правящая группа мирно отдать власть кому-то другому? В пробуждении такого желания во всей правящей группе сомневаюсь. То есть, может быть, некоторые - которым в силу их нынешнего положения в случае ухода с постов мало что грозит - и захотят. А, может быть, даже уже хотят. Но некоторые точно не захотят. Антикоррупционные настроения населения всем хорошо известны. Так что те, которые не захотят, начнут (да, по-видимому, уже начали), пугать тех, которые «может быть, и захотят», оранжевым цветом, призраками Арабской весны, рукой Госдепа, а главное тем, что непонятно, кто на смену придет. С кем говорить-то? Кто может дать гарантии, что ничего худого ни с кем не сделают? А те,

которые «может быть, и захотят», ото всех этих аргументов могут ощутить себя загнанными в угол и расхотеть. Что тогда? Кровь?

Про руку Госдепа — это, конечно, бредок-с. А вот, насчет того, что говорить про гарантии пока не с кем — это сущая правда. Потому как лидеры митингов, при всем моем к ним искреннейшем уважении и симпатии, являются не более, чем лидерами митингов, то есть лидерами не политической силы, а группы людей с самыми разными политическими взглядами, объединенных обидой на бесчестное поведение власти. И попытки подобрать для этих людей единую позитивную политическую платформу, объединить их на основе долгосрочной единой политической стратегии заранее обречены на провал — не будет единой долгосрочной программы у либералов, коммунистов, анархистов, социалистов.... А кроме того, такой стратегии у лидеров митинга нет. То есть у каждого политика она существует. Есть программы и у некоторых групп политиков, наиболее активно участвующих в организации протестных действий (например, у ПАРНАСа). Но эти программы всем митинговым сообществом разделяться не будут, так как ориентированы на отдельные сегменты этого пестрого сообщества.

Невозможно политически объединить приходящих на митинги и на базе персональной поддержки кого-либо из лидеров митингов. Потому что их популярность не как гражданских активистов, а именно как политиков среди участников митинга мала. А даже если бы она оказалась высокой среди митингующих, то среди населения России в целом (как среди «простых» граждан, так и среди элит — региональных, экономических, военных и пр.) она не велика, и боюсь, высокой, к сожалению, не будет.

Так что же мы на сегодняшний день имеем?

С одной стороны, теряющая популярность власть, которая пока еще сильнее тех, кто ей явно и неявно противостоит. Потому что организована, обладает мощным финансовыми, информационными и силовыми ресурсами. Она пользуется поддержкой некоторой части элит (региональных, экономических и силовых), а также, хотя и быстро сокращающейся, но все еще относительно большой части населения. Кроме того, вокруг нее вьется рой не вполне отягощенных интеллектом и совестью представителей аналитического и пиар планктона, убеждающих вождей, что ничего особенного не произошло, что они «Царь еще», что спад популярности — дело временное, что о негативном тренде их поддержки говорить несерьезно, потому что все зависит от того, как провести избирательную кампанию и пр. Цель этой публики столь же понятна, сколь и неприлична: успокоим растерявшуюся власть; скажем, пусть не волнуется, что у нас все под контролем, что мы знаем, что делать надо; вот она — власть — и расслабится, и благодарностью проникнется, и, глядишь, какой-никакой заказик подкинет, или премию даст. Словом, сыграем в доброго доктора и попользуемся за счет больного. Прискорбно, что в подобные «подмурлыкивания» котлов-баюнов утратившая уверенность в себе власть бывает очень склонна верить, действует в соответствии с их рекомендациями и только усугубляет свою ситуацию.

Это с одной стороны, а с другой: движение гражданского протеста, сконцентрированное пока в основном в Москве и Питере, политически не организованное, не имеющие серьезных финансовых ресурсов и стратегической программы действий, способной обеспечить общенациональный консенсус. И, наконец, не имеющее вождей общенационального уровня популярности.

Между ними: полуоппозиционные и псевдооппозиционные партии в Государственной Думе; возрастающая часть граждан, недовольная властью, разочаровавшаяся в Путине и ЕдРе, но одновременно с подозрением и/или негативизмом относящаяся к Москве вообще и московским либералам-организаторам митингов в особенности, а также часть региональных, экономических и силовых элит, критически настроенных по отношению к московской власти, но пока не демонстрирующих это в открытую (то есть, ведущих себя как и свойственно элитам в авторитарном государстве). Впрочем, уровень конформизма элит будет уменьшаться по мере падения рейтинга власти. Возьмем, к примеру, региональную элиту. Для нее демонстрировать свое недовольство Кремлем в ситуации, когда тебе в спину упирается штык народной любви к федеральной власти, было губительно. Но когда ситуация меняется, когда твоя непопулярность в Кремле становится фактором популярности «у себя дома», отчего же открыто не припомнить слабеющему центру разного рода обиды, связанные с утратой политической и финансовой независимости, перекадыванием на регионы социальных обязательств, не обеспеченных соответствующей ресурсной поддержкой и пр.

Что делать в такой ситуации?

Во-первых, возблагодарить Господа за то, что он дал стране достаточно большой срок - примерно 3-4 года - на подготовку к мирному выходу из кризиса.

Во-вторых, сосредоточить усилия на двух направлениях.

Продолжение митинговой активности — она важна как индикатор общественных настроений для элит и граждан, как сигнал колеблющимся представителям элит и общественности о том, что застой кончился, правила игры изменились и пора определяться. При всей огромной значимости митингов на этом их роль и ограничивается. Это индикаторы, сигналы и не более того. Реальная политика делается с их помощью, но за их пределами.

Именно поэтому необходимо второе направление: развертывание широкой политической дискуссии о путях выхода из кризиса. Задачи такой дискуссии: разработка серьезной программы политических и экономических преобразований, формирование состава ответственного и опирающегося на поддержку регионов круглого стола, лидеры которого могли бы к 2017 году образовать новую мощную партию (или создать партийную коалицию), выдвинуть нового кандидата в президенты и, что немаловажно, гарантировать безопасность нынешнему руководству страны при условии мирной передачи власти.

Условие опоры на регионы и мирная передача власти в результате честных и прозрачных выборов 2017 и 2018 годов представляются мне ключевыми. Потому что их несоблюдение с очень большой вероятностью приведет к распаду страны. В критической ситуации у нынешней группы власть держащих могут сдать нервы, а это обернется кровавыми столкновениями в Москве. Региональные элиты, не включенные в переговорный процесс, в случае «московской заварушки» постараются обезопасить себя и, опираясь на антимосковские настроения населения, легко переключатся на автономный режим жизни. Северный Кавказ будет полностью потерян. Остальная Россия может перейти в состояние конфедерации с последующей *de facto* утратой Дальнего Востока, отходящего под влияние Китая.

Формы проведения дискуссии о путях преодоления кризиса могут и должны быть самыми разнообразными: конференции, мозговые штурмы, Интернет-форумы, неформальные и непубличные переговоры и обсуждения между представителями политической, экономической, интеллектуальной, силовой и иных элит...

Ключевой вопрос - кто и как будет координировать подобную дискуссию, а точнее, кто сумеет дать ей старт и обеспечить координацию на начальном этапе. Потому что позиция родоначальника движения далеко не автоматически преобразуется в роль руководителя движения. С моей точки зрения, на сегодняшний день лучшей кандидатурой на роль «перводвигателя» является А. Кудрин — (1) потому что это единственный представитель политической элиты, одновременно принадлежащий к «двум мирам», то есть человек, понимающий и чувствующий настроения по обе стороны Кремлевской стены; (2) потому что это супер-профессионал в области финансов и экономики страны, который, в отличие от многих, прекрасно - в деталях, не на идеологическом, а на практическом, управленческом уровне — понимает опасности, подстерегающие нашу экономику, и обладает опытом кризисного управления.

Прошу не рассматривать этот панегирик Кудрину как попытку «выкрикнуть» его в Президенты или Премьеры. С моей точки зрения, его шансы на занятие этих должностей в 2017-2018 годах минимальны. Из кого будет состоять руководство круглого стола, если он состоится, кто станет политическим лидером страны - сегодня сказать невозможно. Но с большой вероятностью допустимо утверждать, что это будут новые люди.

И последнее. Организация эффективной жизнедеятельности круглого стола — дело необычайной сложности. Успех в этом деле далеко не гарантирован. Но другого конструктивного выхода из сложившейся ситуации я не вижу. Альтернатива ему: распад страны, с непременно кровавой увертюрой и кровавыми сценами в ходе распада, или временная «лукашенизация/угочавезация» страны и последующий ее распад с непременно кровавой увертюрой и кровавыми сценами в ходе распада...